

ЛитРес: **Самиздат**

М А К С И М

Мамст

полесский шаман

18+

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА

Максим Мамст

Полесский шаман

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Мамст М.

Полесский шаман / М. Мамст — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Вадим — молодой человек, уехавший из города в деревню, — устраивается работать на пилораму, где встречает шамана. Шаман обучает его своему искусству подобно тому, как Дон Хуан обучал Карлоса Кастанеду. Вместе с шаманом и его учеником на пилораме работают обычные деревенские мужики-работяги. Финалист длинного списка литературной премии "Электронная буква 2018". Содержит нецензурную брань.

© Мамст М., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1.	7
Глава 2.	16
Глава 3.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Уважаемый читатель. Книгу, которую вы держите в руках можно смело отнести в разряд художественной литературы. Я не люблю тот заумный бред, которым пичкают людей труды маститых философов. Я из тех, для которых квадрат Малевича – это просто черный квадрат. Я не люблю, когда мне трахают мозг и сам не собираюсь этого делать.

В любом случае, я надеюсь, эта книга поможет вам скоротать время в дороге. Возможно, кто-то найдет ответ на свой вопрос. Но только, ради бога, не нужно относиться к ней слишком серьезно.

Ах да. Во избежание каких-либо недоразумений в будущем, заявляю – все места и события вымышлены, любые совпадения случайны, имена и фамилии изменены.

Максим Мамст.
maxim.mamst@tut.by
<http://ok.ru/maxim.mamst>

Пролог

Осенью 2014 года на окраине речичского лесничества близ деревни Горивода произошло крупное ЧП. Недалеко от заготовительной делянки горела летняя будка. Когда пожарные прибыли на место, пламя с гудением рвалось из окон. После тушения, пожарные инспектора приступили к осмотру места происшествия. Под металлическим щитом была найдена рукопись, чудом уцелевшая в пожаре. Часть страниц обуглилась, часть была унесена водой. Кое-что удалось восстановить, но некоторые фрагменты были безвозвратно утеряны.

Глава 1.

Наверное, следует начать с рассказа о себе. Я, почтенный уже, увы, холостяк пережил довольно нелегкое для себя время. Наверное многим знакомо чувство, когда ты находишься в трясине проблем, и эта пропасть тебя засасывает все глубже и глубже. Ком неприятностей увеличивается, и, в конце концов, превращается в огромный паровой коток, который давит человека и спускает его жизнь в унитаз.

У меня было все, о чем только можно мечтать. Непыльная работенка в офисе, жена, сын, квартира, машина. В общем, полный набор. Потом началось. Увольнение я перенес довольно мужественно. А вот развод меня подкосил. Квартира ушла бывшей жене и сыну, машину пришлось продать за долги. Глушил горе в вине, не помогло. Становилось только хуже. Я оставил Гомель и перебрался к матери, в родной райцентр со славным названием – Речица. Жил, перебиваясь случайными заработками. Харчи зарабатывал, батрача на колхозном поле. К семи утра, я, вместе с такими же горемыками, собирались на площади, что около старого рынка, грузились в автобусы и ехали осваивать колхозную целину. Там ваш покорный слуга, интеллигент с двумя высшими образованиями, перебирал картошку: хорошую кидал в мешки, гнилую – в сторону.

Надо сказать, что здесь существует строгая иерархия. Новички начинают со свеклы и морковки. Пробиться наверх нереально тяжело. Картошка – это вершина, предел мечтаний. Это привилегия элиты колхозного мира. Мне пришлось надавить на старые связи, чтобы попасть в такой отряд.

В один из дней ко мне подошел Войтович. Невысокий добродушный старичок, прочно связавший свою жизнь с выпивкой. Он сильно шепелявил, и временами его было очень сложно понять. В этот раз до меня тоже долго не могло дойти, чего он хочет. Я собирался уже отвяжаться от него, но вдруг понял, что он предлагает:

- Приветствую, начальник.
- Здорова, Войтович. Че хотел?
- Есть работа, на сезон. Зарплата хорошая, имеется крыша над головой и бесплатная хавка. Могу сказать – что и где, если уступишь мне место на картошке. Идет?

Я призадумался. У меня давно были мысли сорваться, примкнуть к какой-нибудь бригаде и шабашить на Москве. Хорошо, конечно, если бригадир попадется честный, и хозяева порядочные. Да и в таком случае, поначалу, придется отдавать «бугру» половину заработка. За то, что взял как мастера. Это если повезет. Чаше кидают. Столько знакомых вернулось не солоно хлебавши. Бригадир собрал деньги и ищи ветра в поле. Или просто, под автоматами вывели с объекта, посадили в автобусы и отправили домой. Бывали случаи, когда и этого не было. Приходилось добираться домой на попутках, без документов. Кто-то и вовсе не вернулся. Исчез.

Есть люди, что годами работают в одном отряде. Слаженная команда, проверенный бригадир. Хорошо, когда заработанное отдают женам. Большинство, однако, по прибытии уходят в кутеж. Гудеть начинают еще в автобусе, периодически выскакивая на остановках за водярой. Короли на неделю, они ходят, козыряя бабками, и угощая всех подряд. Неделью-две, а потом скромно одалживают у соседей деньги на дорогу, и вперед, на поезд. Снова полгода вкалывать, как проклятый, на стройке, не разгибая спины.

Нет, такое не по мне. Прожигать жизнь я могу и здесь. Часто задаю себе вопрос, смог бы я вернуться к прежней жизни? Выбросить всю дурь из головы, привести себя в порядок, вылюднить? Найти работу где-нибудь в конторе, девку хорошую? Не знаю. Умерло что-то во мне. Не тянет назад. Все это уже было опробовано, пожевано и выплюнуто. Так жить проще. Денег, конечно, не хватает. Зато сам себе хозяин. Никто не гонит, не кричит, не требует. Даже колхозная повинность особо не в тягость, хочешь едь, хочешь не едь. Тут я понимаю бомжей.

Не имея ничего за душой, они живут и спят спокойно. Люди с устойчивой психикой и железным здоровьем.

Так что я был готов послать Войтовича с его работой подальше, но решил дослушать старика. Времени еще вагон. До отправления больше, чем полчаса.

– Давай, Войтович, выкладывай, что у тебя.

– Работа на делянке. Дрова пилить. Тут не далеко, в Гориводе. Сейчас заготовка идет, им люди нужны. Свои, кто хотел, уже там. Еще пару человек не хватает. Работа на природе, свежий воздух, деревья, птички. Я бы и сам пошел, да здоровье не позволяет.

Он еще что-то бубнил, но меня уже накрыла волна негодования.

– Ты что, серьезно думал, поведусь? – перебил я его. – Думаешь, ты мне тут насвистел, а я как последний дурак, поеду? Да меня коровы в том колхозе засмеют.

– Истинная правда, вот те крест, – и Войтович в доказательство перекрестился. – Ну что ты теряешь? Всего один день. А работа там хорошая.

– Завтра, Войтович. Завтра съезжу и посмотрю.

– Завтра может быть уже поздно. – Войтович обиженно замолчал и отошел.

Я начал остывать. В общем-то, Войтович прав. Можно съездить. Работа в поле уже приелась и начала утомлять. Что я теряю? Ничего, кроме своих цепей. Один день погоды не делает. Битва за урожай еще впереди. Если Войтович насвистел, сидеть ему полгода на морковке. Уж я об этом позабочусь.

Десять минут до отправления. Я насилу отыскал Войтовича в толпе. Сказал ему, что сегодня он будет за меня. Он аж задергался от радости. Бросался обниматься, клялся в вечной признательности.

– Это ж только на день, понимаешь? Если не понравится, я вернусь, – сказал я ему.

Он быстро закивал. Затем я подвел его к своему "бугру", объяснил ситуацию.

– Дело твое, – пожал плечами "бугор".

С легкой тоской я провожал глазами уходящие автобусы. Вместе с ними улетучивался мой энтузиазм. Стало в лом куда-то ехать. Пилить на автовокзал, ждать маршрутку на Гориводу. Да еще там пока найдешь. Может ну его к черту, пойти домой, завалиться и дрыхнуть дальше? Сделать себе выходной.

После нелегкой борьбы, ответственный "я" победил. Проклиная себя, что согласился на авантюру, я потащился на автовокзал. Машина шла легко, слегка покачивалась. Дорога пустая, асфальт, как новенький. Люди, едущие в маршрутке, чуток помогли, объяснив на пальцах, куда идти.

Наконец, Горивода. Мы свернули с трассы на перекрестке возле деревянного креста. Потом еще пол километра вдоль полей и, наконец, остановились возле магазина. Люди вышли и разбредлись, кто куда. Я остался один.

Вышел на дорогу, осмотрелся. Никогда не был в этих местах. Машина уже уехала. Вспоминая, что мне говорили в маршрутке, я пытался сориентироваться на местности. Через пять минут я понял, что понятия не имею, куда идти.

Из магазина вышел высокий мужчина лет сорока. Короткие, темные волосы. Ладони широкие, мозолистые. С виду не алкаш. Спецовка не сильно заношена, но уже с масляными пятнами. Бутылка минералки подмышкой, в руках мороженое. Мужчина подошел к небольшому двухколесному трактору с прицепом, типа "муравей". Кинул бутылку в прицеп и принялся распаковывать мороженое. Делать нечего. Я подошел, поздоровался:

– Добрый день. Подскажите, пожалуйста, как мне добраться до... Мне сказали, здесь нужны лишние руки на лесозаготовке.

Мужик молча поднял вверх указательный палец, подошел к мусорке и выбросил обертку. Затем вернулся. Облокотился на трактор, смачно сплюнул и произнес:

– Тебе, походу, к Гардею надо. Ну... На днях взяли уже одного пришлого. Я там работаю. Сейчас как раз туда направляюсь. Поехали, подвезу.

Широкое кресло поместило обоих. Мужик назвался Геней. Из разговора я понял, что ему сорок два, что работа хоть и тяжелая, зато можно хорошо подзаработать. Всю дорогу он мне что-то рассказывал про поля и возделку, но я его не слышал. Треск трактора перекрывал остальные звуки. Как я понял, сначала мы едем в сторону колхоза, а затем нужно будет взять правее. Мы проехали вдоль края колхозного поля и повернули в лес. Здесь, на кромке массива деревьев, углубляясь вглубь, словно гавань, раскинулась небольшая база.

С одной стороны стоит кирпичное здание и пара железных вагончиков. Напротив, под широким навесом звенит лесопилка. В центре базы лежит огромная куча дров. Все остальное пространство занято стоящими, как попало, штабелями бруса и доски. Со стороны кирпичного здания еще более-менее свободно, есть подъезд. Но к лесопилке можно попасть лишь минуя своеобразный лабиринт, где пройти можно только по одному в ряд, и то, рискуя ободрать плечи.

Кирпичный домик, как я понимаю, контора, сложен из газосиликатных блоков. Стены не обработаны, заляпаны грязью. Местами с зеленью. Крыша покрыта старым бэушным шифером. Единственное новое, что может радовать глаз, это окна. Их рамы блестят на солнце свежеспиленным деревом. Стекла на удивление чисты. Возле конторы стоит старенький грузовик «ГАЗ», повидавший многое на своем веку.

Гена лихо подрулил, и поставил трактор аккуратно между «ГАЗоном» и конторой. Он спешился, показал рукой на здание и сказал:

– Тебе туда.

Его палец указывал на дверь. В отличие от окон, она была старой, обшарпанной, в унисон остальному зданию. Я вошел. Узкий коридор освещается одним окном, выходящим во двор. Я видел, как Гена заходит в вагончик. После улицы глазам темновато. Стульев нет. Три двери, одна из них приоткрыта. На ней надпись: "Гардиенко Юрий Викторович". Я толкнул ее и прошел внутрь.

Помещение напомнило мне контору "Рога и копыта" знаменитого Остапа Бендера. Да, это не офис. Офис в моем понимании, это современная изящная мебель. Хром и все такое. Стекланные шкафы для бумаг. А уж кожаный диван для гостей в кабинете директора – это, наверное, стандарт. Подсознательно я ожидал увидеть нечто подобное. Ну, с поправкой на глухомань. Совершенно напрасно. Единственной современной вещью было кресло. С высокой кожаной спинкой оно возвышалось на старом, облезлом столе. С моего места были видны шрамы, оставленные временем на его поверхности. Черные гусеницы – это следы окурков, небрежно брошенных на стол. Царапины. Там-сям вырезаны ножиком различные слова и фигуры. Второй стол не лучшего качества находится у стены. Он сверху донизу завален бумагами. Напротив директорского стола стоит древнее деревянное бюро с выдвижными ящичками. Наверное, кто-то ограбил музей. У стены возле входа, недалеко от меня, стоят пара фанерных стульев, предназначенных для посетителей.

В кресле расположился сам хозяин кабинета. В пиджаке, при галстукке. На носу сидят очки с узкими прямоугольными линзами. Полное круглое лицо украшают редкие волосы, обнажая глубокие залысины и круглую плешь на затылке. Увидев меня, он приподнял руку в приветствии и вопросительно произнес:

– Так, что это у нас? – в его низком басы слышались раскаты грома. Голос был под стать хозяину. Неторопливо он вылез из-за стола и пошел мне на встречу. Широкий, как медведь, он двигался так же вальяжно. Наверное, бывший борец. Сними очки, надень спортивный костюм с кепкой, и лучше не попадаться к такому в темном переулке.

– Чем могу помочь? – спросил директор, протягивая руку.

– Здравствуйте, – поздоровался я. – Я по поводу работы. Слышал, берете людей.

– Да практически набрали уже.

Он скептически осмотрел меня, добавил:

– Работа тяжелая, можно сказать, травмоопасная. Справитесь?

– Что входит в обязанности?

– Все, что понадобится. Валить деревья, резать дрова, распускать на доски. Загружать и разгружать машину. В принципе, ничего сложного. Эта наука постигается быстро.

Он басисто рассмеялся. Через несколько секунд продолжил серьезным тоном:

– Меня зовут Юрий Викторович. Работа на сезон. Ориентировочно пять-шесть месяцев.

А дальше будет видно. Зарплата – четыре миллиона в месяц. Вы, вижу, не местный.

– Из Речицы.

– Понятно. С вас добросовестный труд, с нас – кров и обед.

Юрий Викторович подошел к столу, заваленному бумагами.

– Трудовой с собой нет?

Я покачал головой.

– Нет? Ну, ничего, – директор махнул рукой, – в другой раз принесете.

– Так-с, – сказал он, вытаскивая из кучи два учетных журнала. – Первое, пожарная безопасность. Вокруг нас сплошное дерево. Что внутри, что снаружи. Поэтому огонь не разводить. Курить в специальном месте. Окурки тщательно тушить, куда попало не бросать. Второе, техника безопасности. Работая на дисковой пиле, будьте предельно внимательными. Держите руки подальше от пилы. Слишком многие остаются без пальцев из-за своей халатности. С бензопилой тоже шутки плохи. Держать двумя руками, обязательно за отбойным щитком. Концом пилы не пилить. Не шутковать. Не заводить, зажав между ног. Да, и такие случаи бывают. При валке – один пилит, другой толкает жердью или тянет канатом. Под деревом не ходить. Там, куда будет падать, не стоять. Вроде все. Подойдите, распишитесь.

Я расписался в обоих и спросил:

– Меня спрашивать будете?

– Зачем? – пожал он плечами, – я и так увидел, что хотел.

Я вышел во двор. Недалеко от входа на скамье сидел Гена. Он с удовольствием затягивался сигаретой.

– Добро пожаловать на мол, – сказал он, протягивая мне пачку.

– Спасибо, не курю. Бросил, – ответил я, присаживаясь рядом. – Мол?

– Все это, – он показал на территорию станции, – мы так называем. Это как большая мельница, только для деревьев.

Гена показал рукой:

– Вон там, на пиле, работают Валет и Сивый. Валет шабутной. Спускает жизнь в стакан. Когда он работает там, – Гена кивнул в их сторону, – каждый раз чую, что без рук останется. Не понимаю, зачем Гардей его держит.

– Гардей, это мужик с конторы?

– Гардей, Гард. Директор наш, Гардиенко, Юрий Викторович. Мы так его зовем, не в глаза, конечно.

– Сивый, – продолжил Гена, – это мужик. Пьет только по праздникам. Больше ни-ни. Он на пенсии уже, но руки у него золотые. Черт-те знает, сколько лет отстоял на пиле. Пока Валет с ним, я более-менее спокоен. Остальные подъедут позже. Дрова повезли. Там Леник, Клещ и новенький, Шаман.

– Шаман? – улынулся я. – Ни хрена себе. В самом деле, так и зовут?

– Угу, – кивнул Гена. – Станный он какой-то.

– Что, у каждого кличка есть? – меня пробирал смех.

– У каждого, – подтвердил Гена, – не ссы, и тебе придумаем. Здесь, на моле, у каждого прозвище есть. Тут пофигу, как тебя звали раньше. Главное, как зовут сейчас.

– А просто по имени нельзя?

– Нельзя. Традиции нужно чтить. Разные люди приходят на мол. Всем как-то фиолетово кто ты и как тебя звать. Никому не охота ковыряться в чужом белье. В том числе с именами. Вот, к примеру, Валет и Сивый. Тот Шурик и тот Шурик. Вот раздают ЦУ. Как различить, кому что? А так, вот один, вот второй. И все понятно. Хлопцы присмотрятся, и тебе прозвище пропишут.

Гена замолчал, и вспомнив, добавил:

– Клещ, кстати, уже все, отвалился. Тоже шабутной. На одном месте долго не сидит. Хотя молодой, и руки не из задницы растут. Но, как говорится, умная голова, да дураку дана.

Послышался рев приближающейся машины.

– Едут, – сказал Гена, – сейчас увидишь остальных.

Здоровенный «Урал» с ревом и фырканием въехал во двор. Промчался между штабелями и лихо прирулил к высокой горе дров. Из кабины вылезли мужики, и не спеша двинулись к конторе.

– Дарова, Гентос, – сказал молодой парень. Рост чуть ниже среднего, светлые волосы. Глаза живые, пытливые. Во рту застыла усмешка.

– Здоров, – ответил Гена. – Ты уже все?

– Да, – кивнул парень. – Заберу бабло и гуд бай.

Он зашел в дом. Еще один мужик, с виду мой ровесник, молча сел на скамью, вытянул ноги. Третий остался стоять, на лице едва сдерживаемый ржач. Он обратился к Гене:

– Ну что, Ушатый, новенького на шею посадили?

– Леник, мало я тебе поленом всыпал? – Гена явно разозлился. – Хочешь добавки? Вали отсюда!

Леник заржал. Почесывая пузо, он сказал:

– Жрать охота. Пойду, посмотрю. Может, есть че похавать. – Леник, посмеиваясь, поперся в один из вагончиков.

– Скоро обед подвезут, а этому абы кишку набить, – возмущенно сказал Гена.

– Так, Клеща и Леника ты уже видел. Вот, знакомься, Шаман, – он повел рукой в сторону третьего. – Он тоже недавно, и тоже не местный. Жить будете в одной халупе, то бишь, нашей общаге.

– Серега, – обратился он к Шаману, – поможешь новенькому обустроиться? Имя ему позже придумаем.

Тот кивнул.

На крыльце появился Клещ. На лице довольная улыбка. Поднял руку с зажатыми деньгами, проорал:

– Хавайся в бульбу, речицкие! Иду на вы! Гена, не подбросишь? – добавил он гораздо тише.

– Скоро обед подвезут, там подъедешь. Пойдем, кстати, передашь кое-что в деревню.

Мы остались на скамейке с Сергеем одни. Буду называть его так. От кличек меня коробит, не так воспитан. Серега вскочил, подошел и протянул руку.

– Привет. Меня зовут Сергей, кличут Шаман. Без закидонов. Жить будем вместе, срабатываемся.

– Вадим, – я пожал руку. Теперь я мог рассмотреть его более внимательно. Чуть выше меня ростом. Волосы темные, короткие. Худощавый. Уже немного подзагоревший. Лицо светлое, еще хранящее остатки юности, носит отпечаток пофигизма. Глаза цвета грозových туч. Одет в спецовку, как все. Штаны заправлены в кирзачи. Рукавицы в заднем кармане.

– Сча порубаем, и вперед! Гентос тебе объяснил, где что? – спросил Сергей.

– В общих чертах. Чего это он так взбеленился, когда Леник подошел? Какая-то грызня?

– Да, что-то есть. Леник любит поиздеваться над Геной, а того это бесит. Слышал кличку, Ушатый? Это Леник ему придумал. Гена контуженный на одно ухо, практически не слышит. То же самое, что очкарика водолазом дразнить. Все, кроме Леника, зовут его по имени.

– А у Леника какая кликуха?

– Леник, просто Леник. Да ты глянь на него, другого не придумаешь.

Раздалось пронзительное бибикание, и во двор въехал скутер.

– Вот и обед, – сказал Сергей, повернувшись в сторону скутера.

На ум сразу пришла репродукция "Трех богатырей". Если отбросить Алешу Поповича и Добрыню Никитича, остальное точно передает великолепие открывшегося вида. На огромном скутере, самом большом, что я видел, восседает не менее могучая деревенская баба. Настоящая, которая и в избу, и слона. Длинная юбка, ватник, сапоги. Даже платок на голове падает словно кольчуга. На руле болтается накрытое крышкой ведро, непривычно маленькое на фоне скутера.

Женщина слезла, поставила скутер на подножку. Взяла ведро, и направилась к нам. Из вагончика выбежал Леник. В одной руке миска, в другой – ложка.

– Павловна, а что у нас сегодня на обед? – Леник, словно кот, крутился вокруг седовласой женщины.

– Не лезь под руку, кыш, паразит, – шутливо отогнала его Павловна. – Щи. И солоники с поджаркой на второе.

Томный вздох вырвался у Леника из груди. Павловна поставила ведро на скамью и открыла крышку. Пахло на редкость аппетитно. Сергей принес две алюминиевые миски и пару ложек. Один комплект протянул мне:

– На, держи. Теперь твое. Каждый моет за собой сам, а значит, вылизывает дочиста.

Бабуля разлила по мискам суп, постелила рядом газету, сверху положила хлеб и порезанную головку цыбули.

– Ешьте, кто быстрее съест, тому больше шкварочков.

Леник заработал ложкой еще усерднее.

На второе, как Павловна и обещала, были солоники – цельная вареная картошка. Каждому досталось по пяток бульбин. Сверху Павловна полила жиром и выложила по несколько кусков жареной свинины. Ленику, как победителю, на пару кусочков больше. Отчего тот ходил с гордым видом, выпятив грудь. Клещ кушал вместе со всеми. Было очень вкусно, с обедом расправились в считанные минуты.

Павловна собрала остатки хлеба, завернула в газету. Поставила пустую кастрюлю в нишу для шлема, а изрядно опустевшее ведро снова повесила на руль. Клещ подошел, когда она собиралась трогаться.

– Матрона Павловна, подкиньте до деревни. Пожалуйста!

Она смерила его взглядом и сказала:

– Черт с тобой, садись.

Они помчались в сторону деревни, поднимая столпы пыли. Клещ за ней казался подростком. Мы смотрели, как они исчезают вдаль. Сергей поднялся, держа свою миску, позвал меня за собой. За конторой находился пожарный стенд. Лопата, бугор, топор. Все покрашено в красный цвет, рядом пристегнут огнетушитель. На ночь стенд закрывается дверцей на замок. Сам замок мелкий, китайский, что бы в случае чего быстро сбить. Рядом со стендом куча песка в треугольной ограде, тоже покрашенной в красный.

Сергей зачерпнул горсть песка и начал чистить миску. Песок впитал весь жир, и миска заблестела как новенькая. Я сделал то же самое.

– Ну вот, – сказал Сергей, – осталось только сполоснуть, и можно ставить на полку.

– Давайте, глотайте чай по быстрому, и погнались. Работа есть, – сказал Гена, когда мы вернулись. Чайник уже закипел. Мы сварганили чайковского, и через десять минут были готовы.

Вот и мое первое боевое задание. Поступил заказ на машину дров в Речицу. Грузили «Урал». Кидали сообща, кузов быстро наполнялся. Гентос положил десяток горбылей сверху.

– Для тетки моей, – сказал он. – Заедем, скинем. Шаман, возьмем новенького с собой. Нехай посмотрит, заодно барахлишко какое возьмет для заселения.

Тяжелая машина с кузовом «самосвал», так что проблем с разгрузкой не возникло. В принципе, здесь и двоим делать нечего. Гена высадил меня поближе к центру, дальше нельзя. Договорились, что позвоню, когда буду готов.

Дома объяснил все матери. Не сказал бы, что она сильно обрадовалась. Но все-таки не чужбина. Я собрал пакет – бритву, кое-какую посуду, белье. Много не брал. Еще не известно, сколько я там пробуду. Может, через пару дней вернусь. Попрощался, но так просто уйти не удалось. Ох уж эти мамы. Не важно, сколько тебе лет. Сколько не говорил, что ты сыт, только что пообедал, но пока пайку не съел, не отпустила.

– Только смотри, сынок, не пей. Будут звать, угощать – не пей, – сказала она перед тем, как благословить.

– Не волнуйся, мам, – отвечаю, – у меня напарник тоже непьющий. Все будет хорошо. Может мне вообще там не понравиться. Я тебе позвоню вечером.

– Не забудь. Ну, ступай с богом...

Гена ждал меня на том же месте. Они уже скатались к его тетке. Сидели, точили печеньки. Я залез в кабину, и мы помчались назад.

– Ну как, – спросил Гена, – не пугает работенка?

– Пока рано судить. Почем, кстати, такая машина дров?

– Два лимона.

Я прикинул. Приличный доход.

– Не такие уж большие деньги, – прервал мои раздумья Гентос. – Если вычесть налоги, сборы, зарплату, бензин, аренду. Бизнес, как бизнес. Не хуже и не лучше других.

Всю дорогу Гена обсуждал с Сергеем последние сплетни. Я помалкивал, мало что понимая с их слов. Периодически Гентос принимался кого-то костерить, смачно сдабривая матюгами. Дорога пролетела незаметно, через пятнадцать минут мы уже были на месте.

– На сегодня все, – сказал Гена, и, обращая ко мне, добавил, – Обустраивайся.

Он высадил нас у крайнего дома на окраине деревни. До соседних домов дальше, чем до леса. Удивительно, как еще электричество умудрились сюда довести.

– Далековато, да? – спросил Сергей, перехватив мой взгляд. – Зато до мола рукой подать. Ладно, пошли домой. Да не смотри ты так, нормальное жилье. Тепло, сухо.

– Удобства, правда, вон, на улице, – махнул он в сторону покосившейся уборной. Я только хмыкнул в ответ.

Старенькая изба напоминает сгорбившуюся от времени старушку, что еще держится на ногах, но мечтает скорей отдохнуть. Пожелтевшие, потрескавшиеся ставни когда-то были белыми. Много лет назад. Их так давно никто не закрывал, что петли насмерть прикипели друг к другу. Что там за окнами – не разглядеть. Перед домом раскидан всякий хлам – ржавые трубы, убитые в ноль садовые инструменты. Недалеко от дверей, под окном стоит ванна с дождевой водой.

На двери висит навесной замок. Сергей пробежался пальцами над косяком и вытащил ключ. Внутри было не так все убого как снаружи. Обоям от силы пару лет. Крашеный пол. Потолок побелен. Простые люстры в форме цилиндра все же лучше, чем ничего. Ни мусора, ни паутины. Похоже, Серега следил за чистотой.

– Так. Вот здесь прихожка, – сказал Сергей, – вот там кухня. Газ в баллонах, так что впустую не палить. Две комнаты, эта моя, а та – твоя.

Я прошел к себе. В комнате только голые стены да кровать. Последняя хоть и узкая, но деревянная, с высоким матрасом. Сверху простелена драным покрывалом. Поверх лежат сложенное квадратом одеяло и подушка.

Застелить белье заняло не больше десяти минут. Когда я пришел на кухню, Серега сидел, развалившись в деревянном самодельном кресле, и сербал чай.

Кухонька выглядит, на удивление, довольно уютно. Вдоль правой стены, если смотреть от окна, стоит плита и кухонный стол. Дальше на деревянной тумбе расположились раковина и висячий рукомойник над ней. В углу урчит старенький холодильник. Рядом с ним бидон с питьевой водой. Над столом закреплен посудный шкафчик. Напротив, по центру левой стены стоит приличных размеров обеденный стол. За ним, спиной к окну, расположился Сергей. Его кресло стоит в нише между стеной и невысокой этажеркой с журналами. Сбоку на стене висит календарь, чуть выше – горшок с вьющимся плющом. По другую сторону стола стоит деревянный стул с высокой спинкой.

– Как я и говорил, – улыбнулся Сергей, – жить можно. Чай? Кофе?

Он протянул поочередно две баночки.

– Спасибо, я чай, – ответил я и, спохватившись, добавил, – вот блин, чашку забыл.

– Если не брезгуешь, в шкафчике есть одна. Обдай кипятком. Чайник на плите, только закипел. Вот сахар, если надо.

Я нашел чашку. Ей давно надо было на свалку. Вся заляпанная, в потеках. С отбитой ручкой. Я брезгливо кинул ее на место и вымыл руки.

– Не, Серега, не хочу я такого чая.

Он кивнул, сказал:

– Завтра заскочим в магазин, купишь новую. Или домой сгоняешь, если снова махнем на Речицу. Сегодня у нас сухомятка. Лезь в холодильник и бери, что хочешь. Там есть сало, огурец. Хлеб на столе, в пакете. Захочешь пить, можешь взять мою чашку. И да, телефона нет, телевизора нет, радио тоже нет. Зато довольно сносно ловит мобильник.

Некоторое время мы просто кушали молча. Еще не сошло то напряжение, какое бывает в поездах между пассажирами в начале поездки. Каждый присматривается, и остерегается идти на контакт первым. Потом находят общие темы, и пошло-поехало, к концу путешествия – не разлей вода.

Надо сказать, Сергей проявлял радушие и гостеприимство, пытался быстрее сгладить неровности в общении. К концу ужина он уже полным ходом рассказывал про наших сослуживцев. К тому времени, как я допил чай, я знал про них столько подробностей, словно прожил с ними несколько лет.

– Куришь? – спросил он, сделав паузу.

– Нет, бросил.

– И я нет, отлично. Как насчет этого? – он постучал по горлу.

– Пил раньше, но тоже бросил. Не хочу. Змий и так достаточно потоптался по моей судьбе.

– Я тоже не пью. От слова "совсем". Удивительно, правда? Двое непьющих, некурящих мужчин застряли на грязной, тяжелой работе в забитом углу затерянной деревушки. И это в одной из самых пьющих стран мира. Все еще веришь в совпадения?

– А это не совпадение?

Сергей подумал немного, приподняв глаза кверху, и проговорил:

– Нет. Определенно нет.

Гена прав. Некоторая странность в нем есть. Весь вечер мы болтали о том, о сем. Я узнал, что Гена тоже не пьет, кодированный. Получалось нас трое трезвенников против двоих любителей принять на грудь – Леника и Валета. А также Сивый, что только по праздникам. Неестественно трезвая команда в наших широтах.

Сергей вел себя как обычный нормальный мужик. Я все больше склонялся к мысли, что стал жертвой собственной мнительности. Вся эта обстановка, работа, халупа у черта на куличках. Разве мог я подумать еще вчера, засыпая в родной квартире под шум машин и пьяные вопли молодежи, что попаду в такой водоворот? Первая мысль была: "Бежать! Бежать подальше отсюда". "Куда бежать-то?" – лениво зашевелился разум, – "Обратно в свою скорлупу? Туда, где каждый день, похожий на предыдущий, капля за каплей уносит твою молодость, а ты стоишь, как баран, упершись в стену? Туда, откуда еще вчера куда угодно, хоть на край света?"

Что же, наверное, он прав. Я хотел приключений, я их получил. Иисус на сорок дней уходил в безлюдную пустыню. Возможно здесь, в богом забытом месте, я смогу найти то, что ищу.

Стемнело. За разговором время летит незаметно. Сергей взглянул на часы.

– Все, айда на боковую. Деревня встает рано. Завтра к семи уже должны быть на работе.

Мы разбрелись по комнатам. Сергею повезло, его окно выходит на деревню, в комнату попадает тусклый свет далеких фонарей. У меня за окном темнота.

Лежа в кровати, я вспомнил Войтовича. Бедный старик. Радоваться будет, небось, что я завтра не выйду. Зря, конечно. Затолкают его. Ототрут, как пить дать. Когда поймут, что я уже не приеду.

Затем я провалился в темноту.

Глава 2.

– Так, перехватывай, – крикнул Сергей, медленно подавая бревно на станок. Пила принялась с оглушающим звоном вгрызаться в податливую древесину. Я подождал, пока бревно высунется достаточно далеко, схватил, и начал потихоньку тянуть на себя. Бревно медленно выдвигается, начинает оттягивать руки. Наконец, Серега перехватил с моей стороны, и мы вдвоем аккуратно протасили остаток вдоль ложа. Пила облегченно замолкает, освобождаясь. Несколько секунд благодатной тишины, пока мы откидываем горбыль в сторону, затем новый заход. Бревно тает быстро, истончаясь, словно масло. Чуть в стороне от станка результат нашей работы – необрезанные, пахнущие смолой доски. Куча приличных размеров. Время еще только к обеду, а мы почти, что дневную норму выполнили. Так мы с Сергеем работаем. Сначала поднапряжемся, затем расслабон. Главное, план не перевыполнить. Денег больше не заплатят, зато работы подкинуть могут запросто.

Я здесь уже без малого неделю, и могу сказать, работа мне определенно нравится. В коллектив влился, как родной.

– Ага, еще эти три бревна и хорош, – сказал Сергей, окидывая оценивающим взглядом готовые доски.

– Давай, – согласился я.

Работа пошла с новыми усилиями. Дембельский аккорд. Сейчас доделаем, и будем балду гонять. Конечно, пока Гард не видит. Если вдруг появится, хватай тряпку и принимайся усердно протирать хоть что-нибудь.

Три бревна исчезли, как прошлогодний снег, и мы, закончив, присели немного отдохнуть. До обеда еще минут пятнадцать. Серега откинулся на доски, закинул ногу за ногу.

– Ну, как тебе работается? Не тяжело, после города, а? – спросил он меня, просто, чтобы убить время. Я думаю, он и так все видел.

– Да ты и сам-то городской... Из Гомеля, да? – вопросом на вопрос ответил я. Сергей кивнул. Я продолжил, озвучивая теребящий меня вопрос:

– Каким же ветром тебя сюда занесло? Ладно, я из Речицы. И то не знал про этот медвежий угол, но ты-то с Гомеля? Почему ты бросил Гомель с его возможностями, и запер себя здесь? Ты ведь не алкаш, и не куришь, и от работы не бежишь.

– Но ведь, и ты же здесь? – задал он встречный вопрос. Я промолчал.

– Я с городом давно завязал, – через некоторое время сказал Сергей. И упреждая мой вопрос, продолжил: – Мишура все это. Все эти возможности, которыми бредят люди из глубинки. Работа, магазины, дорогие машины, концерты. Словно лампочки и гирлянды в казино, вся эта мишура застит глаза. А по факту, днем ты сидишь в одной каменной коробке, ночью в другой, и хаваешь суррогат жизни по зомбоящику, переработанный и тщательно упакованный. И изо дня в день повторяется бесконечный цикл дом-работа-дом. Беличье колесо.

Однажды ты просыпаешься, смотришь в зеркало. А на тебя смотрит старик. Ну и где вся эта жизнь? Театры, музеи и прочие развлечения? А не было их.

Я тоже какое-то время жил, как все, – продолжал Сергей. – Света белого не видел. На работу идешь – солнца еще нет. С работы идешь – его уже нет. На вопрос: "Чудный сегодня был денек, а?" – хотелось плюнуть в рожу. Но отвечал, ничтоже сумняшеся: "Правда? Я и не заметил".

Надоело мне все. Не для того я родился на свет, что бы проспять всю жизнь в летаргическом сне. Ушел я из города, и в первый же день, вздохнув полной грудью, почувствовал, вот она, настоящая жизнь. Теперь я каждую секунду наслаждаюсь ею, всеми порами впитываю до ее мельчайших капелек.

Он встал, потянулся, подняв голову вверх. Суставы затрещали. Он закрыл глаза, лицо озарила улыбка.

– Серега, не поверишь. Я чувствую то же самое, – сказал я, потрясенный его историей.

– Да я и не сомневаюсь, – продолжая улыбаться, ответил Сергей.

Раздался пронзительный гудок скутера, извещающий, что кушать подано.

Во время обеда все молчали. Тишину нарушал только лязг ложек. На первое Павловна приготовила суп с фрикадельками. На второе была "бабка" – драная картошка, запеченная в чугушке вперемешку с фаршем. Ммм, пальчики оближешь. Обычно, в столовых общепита вместо фарша кладут порезанное сало. Что, на мой взгляд, абсолютно портит вкус этого замечательного блюда. Другое дело, когда дома на праздник, хозяйки готовят бабку с кусочками мяса, будь-то свинина или говядина. Тоже весьма неплохо. Но больше всего я люблю с фаршем.

Леник первый нарушил тишину. Он уже поел, и рассыпался в благодарностях, умасливая Павловну, чтобы получить добавки. За ним потянулись все остальные. Каждый высказал свое почтение хозяйке за прекрасный обед.

После еды, пока все не разошлись, Гена сказал:

– Друг ко мне сегодня должен приехать, с Гомсельмаша. Что-то у него с семьей не лады. Хочет поговорить о наболевшем. Давайте вечером все соберемся у костра. Поговорим, поддержим его, авось полегчает. Тем более, большинству из нас это знакомо.

– Не вопрос, – ответил Сергей.

– Только без бухла, – сказал Гена, выразительно посмотрев на Леника.

– Не ссы. Когда приду, оно уже будет вот здесь, – Леник похлопал себя по животу, и рассмеялся.

Остаток дня прошел без приключений. Мы сходили в лес, набрали земляники. Затем Сергей включил станок и стал показывать мне, как гнать вагонку из доски. Работа более кропотливая, но, конечно, не бревнами руки обрывать. Поработав немного, мы пошли в вагончик пить чай, и остались там до конца дня.

Вечером, немного перекусили тем, что было под рукой, закрыли избу и отправились на место общего сбора. Темнело. Костер видно издалека. Пламя вьется на ветру, озаряя стоящие рядом деревья. Когда мы подошли, все наши уже были здесь и трепались о том – о сем. Леник, Сивый и Валет сидят на пеньках возле костра. Чуть поодаль стоит стол, сделанный из старой деревянной двери, обретшей вторую жизнь. Рядом с ним вкопана лавка, а с другой стороны валяются большие круглые колоды из распиленного поперек дерева. На лавке за столом Гена, обнимает незнакомого мужика. Тот склонился прямо над самим столом. Глаза потухшие, несчастные, взгляд застыл на костре. Гена увидел нас, подозвал ближе и представил:

– Знакомьтесь, Михалыч.

Мужик поднялся и протянул нам руку:

– Андрей.

– Сергей.

– Вадим.

Мужик был постарше Гены. Худой, спина придавлена.

– Андрюха, – сказал Гена, обнимая его за плечи, – забей! Выкинь ее из головы хотя бы сегодня. Во, с мужиками поговори, а то молчишь, как рыба об лед.

– Парни, – Гена обратился уже к нам, – если хавать хотите, тут есть немного харчей.

Он раздвинул лежащий на столе сверток. Мы присели на колоды.

– Не получается выкинуть ее, – пролепетал Андрей, не поднимая головы. – Не вылезит, зараза. Больно мне, понимаешь, больно...

– Андрей, – спросил я, – что случилось-то? Расскажи, не бойся. Здесь все свои. Никто не будет смеяться, и показывать пальцем.

Он помолчал, все еще глядя в пламя. Затем, сморщившись, сказал:

– Понимаешь, Вадя... Да?

Я кивнул.

– Понимаешь, Вадим, прожить с женой пару десятков лет. Две дочки у меня – загляденье. Одна уже одиннадцатый класс заканчивает. После стольких лет узнать, что жена твоя спуталась, черт те знает с кем, очень... Очень больно. Я готов рогами землю рыть. Рыдать во весь голос. Но не могу избавиться от того, что у меня сейчас здесь, – Андрей положил руку на грудь.

– Жена у него красавица, – вставил Гена. – Работает в парикмахерской.

– Бросила тебя? – спросил я.

– Бросила бы. Но, как я понял, тот охламон содержать ее не хочет. Поигрался и в кусты. После некоторой паузы добавил:

– Я сам ее брошу...

Его лицо скривилось, и он, отрешаясь, затих.

– Ну, Андрей, еще не все потеряно. Все-таки повезло тебе кое в чем, – сказал Сергей.

– В чем это? – поднял голову Андрей.

– В том, что жена еще не ушла.

– Нифига себе, повезло, – пробормотал Андрей, снова погружаясь в свои мысли.

– Посмотри на нас, – продолжил Сергей. – Каждый из здесь присутствующих либо вообще не был женат, либо разводной. Так что ты попал по адресу. К экспертам. Лично мое мнение, береги семью, Андрюха.

– Я не согласен! – завопил Леник.

– Леник, углохни. Что ты понимаешь? Ты вообще женат ни разу не был.

– Ну и что, – продолжал вопеть Леник, – баба должна мужика уважать. Вот так нужно бабу держать!

Он протянул руку и сжал кулак так, что костяшки побелели. Крича, он добавил:

– Если баба пошла изменять, за дверь курву, и что б духу ее больше не было.

– Итак, господа, прения сторон начались. Прошу высказываться, – сказал Гена, когда Леник немного утих. – Серега Шаман адвокат жены, Леник – адвокат мужа. Можете начинать. Валет?

– Я как Леник, он все верно сказал, – ответил Валет, поднимая руку в сторону Леника.

– Не все так однозначно, – произнес Сивый, качая головой. – Поверь моим сединам, Шаман дело говорит. Я за то, чтобы простить.

– Вадим, ты как? – спросил Гена, обращаясь ко мне.

– Я жену не бросал. Она меня бросила, хотя я умолял остаться. Думаю можно простить, на первый раз. Там смотришь, одумается.

– Что касается меня, – сказал Гена, – Андрон, ты как был моим другом, так и останешься. Не смотря ни на что, я поддержу тебя в любой ситуации. Баба изменила, это тяжело, да. Но пережить можно. Хуже, когда она бухать начинает. Сука будет ложиться под каждого, кто стакан нальет. Ты и сам все видел. Таких нужно бросать без колебаний. Чем раньше, тем лучше.

Сивый и Леник согласно закивали.

Мы немного помолчали, затем Серега спросил:

– Андрей, хреново, да? Годы жизни, словно коту под хвост?

– Бля, ну конечно, хреново, – разозлился Андрей. – Жена изменила, как я должен себя, по-твоему, чувствовать?

– Я к тому, что эта была всего лишь одна, будем считать, измена.

– Ага, всего лишь!

– Я хочу спросить, только честно, ты сам ни разу жене не изменял?

Андрей немного сдуплся, боевой задор начал сползать.

– Блин, не буду свистеть. Пару раз было... всего лишь. И то, по пьяни. Ничего серьезного. Ну, иногда в командировке бывает, снимешь какую на ночь. А то и на пару часов. Но все равно,

я ее только одну люблю... Блин, я же мужик все-таки. Да чего там говорить, вы, мужики, и так все понимаете.

Сергея кивнул, но продолжил гнуть линию:

– Это так. Но все равно, ты не подумал, что именно то же самое чувствовала бы твоя супружница, узнав о твоих похождениях. Хотя бы об одном из них.

– Она не о чем не знала, я гарантирую.

– Я бы не был столь уверен. Бабы они такие, все подмечают. Могла догадаться, или сообщил кто.

– Кто?

– Не знаю, "доброжелатель" какой-нибудь.

Сивый поднял руку и сказал:

– Есть большая разница. Когда мужик ходит налево, и когда баба. Когда из одного чайника льют в шесть чашек, это нормально. И совершенно не нормально, когда шесть чайников сливают в одну чашку.

– Во! – воскликнул Леник, хлопнув его по плечу. – Мы, мужики, существа, как его... Полигамные, во.

– И бабы тоже, – ответил Сергей.

– А бабы тут причем, – возмутился Леник. – Это нам, мужикам, нужно разбросать свое семя. Чем дальше, тем лучше!

А притом, – невозмутимо продолжал Сергей, – что бабы стараются за потомство. Чтобы здоровое было. Это у них инстинкт такой. Телегония, слышал?

– Что еще за нахугония?

– Телегония. Вот скажи, какая собака здоровее, дворовая или породистая?

– Натурально, дворовая. Ее ни одна холера не берет.

– Не знаешь, почему?

– Я те что, ботаник что ли, в натуре? Не знаю. Шаман, что ты привязался?

– Я скажу. У дворняг гены разные перемешаны, они делают ее живучее, – сказал я.

– Верно, но почему всегда из этой мешанины выбираются самые лучшие, живучие гены?

Почему не дохлые, болезненные?

– Хрен его знает, природа так устроена. Естественный отбор.

– Не говори штампами. И не путай причину и следствие. Телегония причина, естественный отбор – следствие.

Леник махнул рукой, плюхнулся на колоду с видом обиженной добродетели. Мол, несите, что хотите. Но ушки торчком, заинтересовался. Более того, я вдруг обнаружил, что стоит тишина, и остальные тоже слушают. Сергей обвел всех взглядом, продолжил:

– Вернемся к нашим баранам. Организм бабы запоминает каждого мужика, кто в ней побывал. Вернее его гены. Они аккуратно складываются где-то в укромном месте.

– Что, даже если в гандоне? – не выдержал Леник.

– Нет, только без гандона. Нужен тесный контакт. Баба либо беременеет, либо гены идут в кладовую, до лучших времен.

– Брехня это все, – сказал Гена. – Я в такие вещи не верю. Господь сотворил этот мир, вот и все, что мне следует знать. А, как и почему – пускай ученые бездельники головы ломают.

– Не брехня, Ген, – покачал головой Сергей. – Вот тебе простое доказательство. Мы уже без малого тридцать лет живем в чернобыльской зоне. Безвылазно, практически с самого детства, так?

– Ну.

– Наша нация одна из самых пьющих в мире. Практически у каждого поломаны гены. А дети нормальные рождаются. Уродов не особо больше, чем в других странах. В пределах погрешности. Знаешь почему?

– Почему?

– Потому, что девки замуж не целками выходят. Вот залетела баба. А у мужика ген поломанный. Все. Дите инвалидом родится, если вообще выживет. Это если у девки нету запасных, припасенных генов. Зато если есть, то повезло. Из кладовой достается такой же кусок гена, только целый и используется вместо поврежденного. Ребенок рождается хороший, умный, всем мамкам и бабкам на радость. Практически папина копия, за исключением разве что цвета волос или глаз. Это и есть телегония. Именно она сохраняет виды любых живых тварей, не только людей, от вырождения и вымирания в случае катастроф. В том числе и радиоактивного заражения.

– Наши города – одна сплошная катастрофа, – кивнул Сивый, – как посмотрю на эти коптящие трубы... Машины, сплошной угарный газ. А что они в городах жрут – как это вообще есть можно?

– Так что лучше, Гена? – спросил Сергей, обращаясь к Ушатому, – взять в жены девушку опытную? Закрывать глаза, если вдруг гульнет? Зато получить здоровое потомство. Или женится на целочке, трястись над ней как янычар, а потом всю жизнь мучаться с больным дитем, или бросить ее как последний трус? А, Гена?

– Ну не знаю, – ответил тот, – я бы все равно не смог.

– Кто не в курсе, хочу отметить, – продолжил Сергей. – Именно из-за нехватки мужских генов баб накрывает психоз, известный как "бешенство матки". Оно зудит, как голод. Чем дальше, тем больше. Сначала незаметно. Затем нарастает и сносит крышу. Там и депресняк и прочие "прелести". Бывают случаи, девки с окон сигают.

– Спермотоксикоз, только у баб, да? – спросил Леник.

– Ага, и лечится так же. Спрашивается, ну уйди ты на неделю с мужиками в загул. Все как рукой снимет. Но нет, не так воспитаны. Проще лапы склеить, и прощай, злая жизнь.

С замужними еще хуже. Незамужняя формально свободна и может трахаться с кем угодно. Для замужней это табу. Если начинается у такой, мужику приходится, ох как несладко. И это ей не так, и то. Пилит, придирается ко всему без конца. Нарывается на грубость. Постоянные скандалы и упреки. В конце концов, либо заводит любовника, либо у нее чайник рвет совсем и она уходит.

Сергей замолчал. Затем, обращаясь к Андрею, сказал

– Так что, Михалыч, береги жену. Голод уйдет. Придут стыд и раскаяние. Прости ее, обними и приласкай. И живи дальше, как человек.

– Серега, а ты сам бы так смог?

– Я-то смог бы. В моей семье, я закрывал глаза на все. Жена могла спать с кем хочет. Главное, что бы домой не водила. Вообще, я думаю, нормальная баба не станет бросаться семьей ради минутного кайфа. Гульнула, значит, надо было. Сын похож на меня, ну и ладненько.

– Ни хрена себе, – пробормотал офигевший Леник, – чего же тогда она тебя бросила? С таким мужиком любая осталась бы жить.

– Не она бросила, я сам ушел.

– Почему?

– Не мог дать им то, что они хотели.

– Что это?

– Нормальную человеческую жизнь. Странный я... – сказал Сергей, замолкая.

– Что правда, то правда, – ответил Леник, – тут я с тобой согласен.

– И возвращаясь к нашим барабанам, – вспомнив, сказал Сергей. – Как видишь, Леник, бабы тоже полигамны.

– Да пофиг мне, – мотнул головой Леник. – Вот заладил.

– Более того, твоя полигамия роду человеческому особо и не нужна. Нас и так почти семь миллиардов. А вот женская полигамия на фоне атомных станций, коптящих труб, выхлопных

газов, красителей, консервантов, бухла – наконец, приобретает особый смысл. Бабы, таким образом, берегут нашу нацию, наш генофонд от уничтожения.

– Етить твою мать, – востропнулся Леник, – ты только в деревне об этом не заикнись! И так бабы твоей телегонией направо-налево занимаются. А если еще в позу станут, да медаль на шею наденут. Хрена лысого в грызло потом дашь!

Сергей повернулся к Михалычу и сказал, заканчивая:

– Просто забей. Это природа, вот и все.

Андрей поднял глаза.

– Забить, и все? Я, вообще-то совсем не врубился, о чем ты говорил. Возможно, что-то в этом есть. Может быть, найдутся такие, как ты, которым пофиг. Но я, как и Гентос, как и большинство мужиков на планете, не могу. Хотел бы забить, но не могу. Рана в душе, понимаешь? Болит, и ноет, и ноет. Жаль, нельзя вытащить это дерьмо из души и бросить на дорогу.

– Иногда можно, – осторожно встрял я. – Бывает, вдруг неожиданно все пофигу становится. Отрешился, раз и навсегда. Сложно, но можно. Я однажды так забил. Резко, одним днем, раз – и отпустило. Ты, Михалыч, тоже. Махни рукой, и гори оно гаром, синим пламенем.

Мужики принесли охапки скошенной, уже высушенной травы, разлеглись возле костра. Мы последовали их примеру. Разговор как-то сошел на соседей. У кого какие мрази попадались. Я просто смотрел вверх. Две вещи, на которые можно смотреть бесконечно. Огонь и звездное небо. Костер мерно потрескивает. Маленькие искорки срываются с языков пламени и устремляются ввысь, стремясь занять свое место рядом со звездочками. Небо сегодня на редкость удачно вывездило. Отчетливо виден млечный путь. Такого в городе не увидишь. Все примолкли, замороженные. Даже Леник и Сивый перестали перебрасываться шуточками. Мы слушали треск костра, шум ветра через деревья, шорохи ночных животных.

Я нарушил тишину.

– Смотрите, мужики, отсюда сразу три планеты видно. Вон там, сразу над деревьями вслед за солнцем уходит красавица Венера. Смотрите, какая яркая. А вон там, прямо над нами, Юпитер. Защитник и спаситель нашей планеты. Если бы не он, не было бы жизни на земле. Он ужасно далеко, но светится не намного меньше Венеры. В бинокль можно даже увидеть пару его спутников.

И, наконец, – я помолчал, отыскивая тусклую звездочку среди похожих товарок, – вон там, сморите, почти не отличимый от звезды, его величество, Сатурн. Его кольца заворачивают...

– Сатурну больше не наливать, – давась смехом, перебил Леник, и больше не сдерживаясь, захохотал. Его смех подхватили остальные.

– Я вижу еще одну планету, – сказал Сивый, когда смех начал стихать.

– Какую?

– Да та, что под ногами, – сказал он. Ему ответил новый взрыв хохота.

Напряжение спало. Леник отрезал со стола кусок сала, насадил на прутик и стал жарить на огне. Гена и Андрей сделали то же самое. Мне было лень вставать. Как и оставшимся.

– Вот чего-то все-таки не хватает, – протянул Валет.

– Я знаю чего, – ответил Сергей.

– И чего же?

– Какой-нибудь истории на ночь.

– Какой, например?

– Ну, например, про Черного Прапора, слышал?

– Бэээ... Меня сейчас стошнит.

– А про Черного Дембея,

– Шаман, ну харэ баяны гнать!

– Про Черного Доктора знаете? – вмешался Андрей.

– Про доктора, говоришь? – задумался Леник. Поморгал немного, и сказал: – Не, такой не знаю. Давай, Андрон, накидывай.

– Ну, хорошо. Тогда, слушайте, – Андрей замолчал, Гентос и Валет о чем-то жарко спорили. Сивый хлопнул Валета по ноге:

– Тихо ты, дай послушать.

Михалыч подождал, пока они успокоятся. – Случилась эта история пару лет назад, где-то между Брестом и Гомелем. Как раз посерединке между Витебском, и вашей Гориводой...

Маршрутка шла в сторону российской границы. Рейс "Киев-Москва". Многие пассажиры еще спят. Даже те, что подсели в Гомеле. Отрубились после посадки. Рассвело. Солнца еще нет, но встречные машины уже стали выключать габариты. Дорога идет вдаль, слегка утопая в утренней дымке. Машин мало, что не удивительно для этого времени суток.

Следом за микроавтобусом идет машина с российскими номерами. Люди едут домой. Муж и жена, обычные разговоры. Краем глаза водитель заметил, что-то мелькнуло, и в следующее мгновение там, где была маршрутка, возникло облако пыли, а сама машина взлетела в воздух, перевернулась и упала на встречу. Через секунду долетел звук удара. Позже, на записи регистратора было видно, что водитель встречной Ауди заснул, и резко вышел на встречу прямо в лоб. Маршрутка даже вильнуть не успела. Один из тех случаев – секундой раньше, секундой позже и трагедии удалось бы избежать. Машин почти нет, за обочиной чистое поле.

Водители с обеих сторон стали останавливаться, выбегать, в руках аптечки, огнетушители. Люди доставали телефоны.

Пассажиры в Ауди погибли мгновенно. Машина – сплошной фарш из мяса и стали. Воняло бензином. Маршрутка выглядела лучше. Тяжелая машина поглотила удар. Водитель был пристегнут, выжил, отделался лишь царапинами, и несколькими ушибами. Его пассажиров повезло меньше. Во время падения многие разбились о поручни и другое железо внутри салона. Трое погибли на месте, остальные в различном состоянии. Водители помогали выбирать пострадавшим, выносили тех, кто не мог двигаться, клали на бок, подальше от машин. Людей приводили в сознание нашатырем. Больше ни чем не могли помочь. Как говорится, не врач – не лезь. В ожидании скорых многие в бессилии опускали руки.

Раздвигая зевак, через толпу протиснулся мужичок в черном костюме. Черный пиджак, черные брюки, галстук. Рубашка, и та была черная. Черные туфли. Черная шляпа на голове. В руке зажат черный саквояж. Глаза добрые, как у дедушки Ленина и такая же куцая борода.

– Доктор. Пропустите доктора. Я доктор, – говорил он, пробираясь. Он подбежал к раненым.

– У кого аптечки, давайте жгуты, шприцы, кровоостанавливающие, поддерживающие, противошоковые лекарства, – обратился он к присутствующим. – Просто держите рядом, я буду брать то, что нужно.

Доктор работал, не теряя ни секунды. Его пальцы порхали, словно у пианиста. Периодически он брал что-то из аптечек, иногда лазил в свой саквояж. Наложив жгут или сделав инъекцию, он несколькими взмахами чиркал на бумажке время и название лекарства. Прикрепив бумагу к пострадавшему, доктор помогал его правильно уложить, и шел к следующему. Приехали скорые. Пострадавших стали развозить по больницам. Спросили врача, который помогал раненым, но не смогли найти. Никто не видел, как он ушел...

Майор в очередной раз перечитал дело. Запутанный случай. С виду вроде заурядное ДТП. Если бы только не этот человек в черном. Он уже был замечен в ряде случаев. Никто не знает, откуда он появляется и куда пропадает. Каждый клянется, что черный человек приехал не с ним. Кто это? Маньяк-террорист? Почему он там, где крупное ДТП? Или может это ДТП, где он? В этот раз его смазанное лицо попало в видеорегистратор. Кто же ты, Черный Доктор?

Стемнело. Майор открыл тумбочку и достал пляшечку коньяка. Нужно расслабиться, отрешиться, не тащить же работу домой. Обычно удается легко, но бывают случаи, которые с

головы просто так не выкинешь. Плеснул в стакан, залпом выпил. Откинулся в кресле, положил голову на мягкую спинку и позволил мыслям течь. Не заметил, как вырубился.

Проснулся от ощущения, что рядом кто-то есть. Темно. Лунный свет падает из окна, слегка освещает комнату, делая очертания предметов зримыми. Внимание майора приковалось к креслу для посетителей. Там, в непринужденной позе, положив локти на подлокотники и сцепив руки в замок, сидит этот человек, в черном.

– Здравствуйте, Александр Геннадьевич, – негромко произнес Черный доктор. – Простите, не хотел вас будить, вы сладко спали. Сон очень важен для здоровья человека, особенно учитывая специфику вашей работы.

– Кто вы? – спросил майор. Его рука неслышно приоткрыла ящик, где лежал пистолет. Пистолета не было.

– Зовут меня Ящинских, Матвей Иванович, товарищ майор, – ответил доктор. – Да вы не волнуйтесь. Я почувствовал, что вам нужны ответы на вопросы, затем и пришел.

– Как вы сюда попали?

– Неправильные вопросы рожают неправильные ответы. Времени у меня немного. Сейчас я вам все расскажу, а дальше сами решайте. Я, как вы уже поняли, доктор. Вернее был им. Знаю, будете меня искать. Я подскажу где. Я похоронен на кавалерийском кладбище, в Минске. Погиб на дороге. Спасал людей в ДТП, увы, сам был сбит проносящейся фурой.

– Из нас двоих кто-то определенно спятил, – пробормотал майор.

– Можно было бы порассуждать на эту тему, Александр Геннадьевич, но времени почти не осталось. Мне было даровано царствие небесное. Но я просил Господа, и он разрешил мне потратить оставшиеся годы, спасая людей. Теперь, когда случается ДТП, я просыпаюсь, вынырываю из черноты, делаю свою работу. Когда люди вне опасности, я ухожу обратно во тьму. Не мне решать, где и когда.

Прощайте, Александр Геннадьевич, – голос доктора истончился и пропал.

Майор очнулся. В кабинете горел электрический свет. Рука все еще держит стакан из-под коньяка. Он посмотрел на часы. Рабочий день кончился десять минут назад.

– Ну и приснится же такое, – вздрагивая, пробормотал майор. Быстро проверил стол. Пистолет на месте. – Ух... А было то, как наяву.

Одна мысль не дает покоя. Не сразу уловил, что его беспокоит. Ящинских. Где-то уже слышал эту фамилию. Он быстро достал дело, открыл список пострадавших. Так и есть. Ящинских Александр Матвеевич и Ящинских Иван Александрович.

Майор почесал голову и налил себе еще стакан.

Андрей замолчал.

– Зачетная история, – сказал Валет. Остальные молчали. Затем Сивый спросил:

– Так что, он своих детей, что ли спас?

– Угу. Сына и внука походу.

– Неужто сына родного не узнал? – спросил Гентос, находясь под впечатлением.

– Господь не дал ему видеть. Не важно, какой человек перед тобой истекает кровью. Преступник или сын родной. Врач – не судья. Он выполняет свой долг, несмотря ни на что.

Его прервал истошный вопль Леника, под завязку нафаршированный матюгами. Сало, которое он оставил жариться на огне, уже давно сгорело и обуглилось. Отличное завершение наших посиделок. Мы ржали до слез, просто глядя на его обманутую рожу. Гена залил костер, и мы отправились по домам. Засиделись, завтра рано вставать на работу.

Утром Андрей пришел на мол вместе с Генкой. Решил попрощаться.

– Парни, – сказал он нам, – я рад, что приехал сюда. Все это, – он обвел рукой вокруг, – лучшее лекарство для души. Сам воздух здесь очень целебный. Не зря говорят, утро вечера мудренее. Чувствую себя гораздо лучше.

– Передумал жену бросать? – спросил Сергей.

– Ага, передумал. Последую твоему совету. Знаете, что мне в голову пришло этой ночью? Я ведь мужик. Я сильный, она слабая. Она может сорваться, а я нет. Когда брал в жены, я клялся ее защищать от любых невзгод. Если придет ко мне, ища защиты от своих ошибок, стисну зубы, в лепешку разобьюсь, но укутаю ее заботой и уютом. Жен нужно прощать.

Сергей подошел и молча пожал ему руку.

Глава 3.

- Девять.
- Валет.
- Девять.
- Валет.
- Девять.
- Дама!
- Дама.
- Не, ну ты задолбал! Беру, блин.

Мы коротали время сидя в вагончике, куда загнал нас ливень. Он начался с полудня и, похоже, не собирался останавливаться. Работы нет. Можно было бы рвануть домой и заваляться пораньше, но сильный дождь размыл все дорожки. Теперь только на «Урале». Значит, придется высиживать до конца рабочего дня.

Гена развалился у окна и читает газету. Небо обложено тучами. Света едва хватает, чтобы разобрать мелкий шрифт. В руке кружка кофе, которую он периодически ставит на подоконник, чтобы сделать затяжку. В углу вокруг табуретки присели Леник, Серега и Валет. Карты с треском летят на сосновую поверхность, нередко под аккомпанемент ругательств и матюгов. Валет с Леником не стесняются выражать свои чувства. Сергей играет сдержанно, отстраненно. Ни выигрыш, ни проигрыш никак не отражаются на его лице. Несмотря на явное безразличие, в дураках бывает редко, что еще больше раздражает обоих оболтусов. Я пробовал, было, играть с ними, но игра вчетвером сводится, в конечном счете, в игру парами, что банально и не интересно. Сивый, гад, успел свинтить до дождя.

Чтобы скоротать время, я достал мобилку и запустил какую-то игру. Маленький человечек прыгает через ямы, карабкается по стенам, лупит стражников по кумполам. Ям настолько много, что его бег неизменно заканчивается падением в одну из них, заполненную острыми колючками. Вот снова – упал, судорожно задержался и затих... Затем воскрес – и по новой.

Между тем, битва в углу достигла своего апогея. Валет благополучно выскользнул, и теперь сидел, посмеиваясь. Леник задумчиво покусал большой палец, спросил:

- Шаман, сколько карт?
- Всего две, – усмехнулся себе под нос Сергей.
- Козыри?
- Зайди, узнаешь.

Леник пожевал палец, затем решил:

– Ладно, давай так попробуем, – он кинул на табуретку бубновую девятку. Сергей положил сверху козырного крестового короля. Леник схватил, было, карту, но передумал. Взял другую и кинул сверху:

- Король пик!

Серега погладил подбородок, посмотрел на Леника. Тот победно осклабился:

- Ну, что стал? Бей или бери!

Сергей медленно протянул руку и положил сверху пикового туза.

– Екарный бабай! – закричал Леник, с силой хлопнув себя по колену. – Умастил, сука! Умастил, твою мать!

Он вскочил, схватил карты, и что есть дури кинул их на пол. Те разлетелись по всей комнате. Валет, смеясь, откинулся. Не удержался, свалился на пол и продолжил ржать, задрав ноги кверху.

- Ну что, еще партейку? – спросил Сергей.
- Хрен там! Дай малость отойти.

Леник опустился на пол и стал собирать карты. Сергей подобрал те, что лежали возле него. Пересчитали, вроде все. Леник начал снова тасовать с надеждой на получение реванша. В вагончике снова опустилась тишина, нарушаемая только шелестом карт и негромкими бормотаниями.

– Слыхали, двое уродов девку убили? – сказал Гена. Он приподнял газету, дочитывая последний абзац. – Пишут, одному из них не дала, так он друга попросил выручить, подсобить. Вместе выкопали яму в лесу. Вместе и порешили. Мда... Куда катится этот мир.

– Красивая?

– Наверное. Тут плохо видно. Тощевата, на мой взгляд. Но все равно, жаль девчонку. Могла бы жить да жить. Конченные мрази. На суде, как всегда, слезки будут лить. Мол, вернуть бы все назад. А когда яму копали, об этом не думали?

– Интересно, сколько им влепят? Вышак дадут?

– Не, тому, что подсобил, точно не дадут. Да и первому вряд ли. Отсидят, выйдут еще не старыми совсем. А ее и косточки-то сгниют. Эх, и носит же таких земля.

– Да ладно, – сказал Сергей. – Жизнь вообще не справедливая штука. Этих-то поймали, хоть как-то ответят. А вот когда найти не могут, или ловят не того. Убийца гуляет на свободе, попивает пивас, и, поверь, особо не парится.

– Ничего, – сказал Гена, все еще смотря в газету, – рано или поздно настигнет кара Господня, или за их грехи ответят дети.

– Не настигнет, и не ответят, – ответил Сергей, отбиваясь от насевших на него Валета и Леника. Те, походу, сговорились меж собой.

– Ээ... Шаман, ты-то не шути так, – обиделся Гена. Он опустил газету. – Господь всемогущий, и в милости своей прощает нам кое-какие прегрешения, но всему есть предел.

– Я и не шучу, – ответил Сергей, скидывая последнюю карту. Леник с Валетом снова оказались в дураках. Переждав злобное шипение Леника, он продолжил:

– Ну смотри, Гентос, вот тебя кто-то обидел и убежал. Ты пойдешь его детей колотить?

– Я что, сдурел что-ли? – охренел от такой мысли Гена.

– Вот и я о том же. Господь гораздо более человеколюбив и милостивее тебя. С чего ты взял, что он будет обижать детей? Да и потом. Вся эта высшая справедливость, гнев божий и прочее. Было б так, был бы рай. А Земля далеко не рай. Рай еще заслужить надо.

– Хм, – выдавил Гена. Ясно, что Шаман какую-то чушь сморозил. Но слова вроде правильные, хрен его знает, как возразить. Не найдя, что ответить, Гена лишь повторил:

– Хм...

Он открыл газету, взял чашку и углубился в чтение.

К концу работы дождь прекратился. Земля немного подсохла. Кое-где уже можно пройти пешком. Серега предложил рискнуть отправиться домой на своих двоих:

– Ну, Вадим, айда пешком?

Увидев мое замешательство, он продолжил:

– Только не говори, что боишься. Ты явился сюда, ведомый духом приключений и жаждой чего-то необычного. Давай рискнем? Тысячи лет сильные, волевые люди отбрасывали все, что имели. Страхивали с рукавов пыльный уют цивилизации и отправлялись в потаенные уголки нашей планеты навстречу диким землям и опасностям. Их не пугали невзгоды, животные и дикари. А мы что? Испугаемся какой-то парковой прогулки по мелколесью? Прямо тут, под жопой? Пошли, или грош нам цена.

– Ох, и грузилово, ты, Шаман, – лишь покачал головой Гена.

Пыхтя как лоси, мы перлись через мокрый лес. Капли непрерывно падали с листьев деревьев, умудряясь попадать прямо за шиворот. Одежда промокла в первые же пять минут. Ноги, слава богу, оставались сухими, благодаря кирзачам. Они постоянно застревали в грязи, приходилось проволочиваться сквозь силу. Но благодаря этому мы не только не мерзли, а напротив,

исходили жаром, словно раскаленные болванки в горне кузнеца. Пахло сыростью, свежестью и мокрыми деревьями.

– Ну, как тебе прозвище, Юпитер? Не сильно обидно звучит? – спросил Сергей, преодолевая очередную лужу. Сапоги с хлопанием вырывались из грязи. – Леник все порывался окрестить Сатурном, но я отговорил. Понимаешь, Сатурн – необычное в этих местах слово. Мужики задолбаются язык ломать. Зато «Юпитер» довольно в ходу. Тут раньше почти в каждом дворе такой мотоцикл был.

– Хорошо хоть Венерой не обозвали. А так что, нормально, по крайней мере, для меня. Носить имя древнего бога или величественной планеты, это честь. Да и Сатурн было бы ништяк. Все лучше, чем какой Дрыщ, Жук или Паветруля. А тебя не коробит, когда Шаманом кличут? Необычно как-то. Мне сразу царапнуло слух, когда услышал.

– Может и необычно, – согласился Сергей. – Но дело в том, что я и есть шаман. Ага... Может мне и далеко до мексиканских шаманов, или наших таежных, я имею в виду настоящих, а не тех, что туристов развлекают. Но я один из лучших практикующих шаманов в Беларуси. Наши друзья, с их деревенской прямоотой, однако сразу почувствовали, кто я такой. При всей своей простоте они обладают чувствительной внутренней жилкой. Как метко они дали мне прозвище. Ты сам сказал, весьма необычное.

Я лишь хмыкнул. Говорить бесполезно. Походу на Серегу снова накатило. Между тем, он продолжал:

– Это одно из проявлений того, что не вписывается в обычное представление о мире. Такие события постоянно случаются с нами. Это не совпадения. Просто люди не замечают их, или тут же отбрасывают мимо, как несущественное и забывают. Я думаю, что и ты можешь вспомнить случаи, шанс которых был один на миллион.

– Знаешь, Сергей, мужики говорят, что ты странный какой-то, – сказал я, продираясь через кусты, чтобы обойти очередную лужу.

– Ну, еще бы, – усмехнулся он.

– Но, учитывая местный контингент, – продолжил я, – в этом нет ничего из ряда вон выходящего. Извини, что я сейчас это говорю. Возможно, мне лучше было бы промолчать. Хочу расставить точки над и. Ты, конечно, можешь мнить себя шаманом, да хоть Наполеоном. Но по мне, ты просто обычный псих. Добрый, не буйный псих. Простой человек со своей шизой. Который вцепился за нее, чтобы доказать свою значимость в этом мире. В принципе, мы с тобой ладим. Хотелось бы, чтобы так оно было и впредь.

– Так и будет, – ответил Сергей. Он смотрел на меня и улыбался той улыбкой, с которой взрослые смотрят на маленького ребенка. Если честно, было не по себе. Я уже хотел дать выход гневу, но внезапно мы вывалились на маленькую полянку. От увиденного захватило дух.

– Красиво, правда? – спросил Сергей, упиваясь открывшейся картиной.

Деревья стояли вокруг поляны, образуя почти ровный круг. Словно девчата, идущие в хороводе, остановились и распростерли руки. Капли переливались, сверкали, усыпая листву стразами. Живое серебро стекало вниз, где у корней клубился невысокий туман. В отличие от мрачного леса вокруг, над поляной тучи чудесным образом истончались. Косые лучи света пронизывали облака и падали вниз. От места веяло одухотворенностью. Я представил себе звучание органа. Захотелось бухнуться на колени в мокрую траву и плакать.

– Цепляет, правда? – улыбаясь спросил Сергей. Я кивнул:

– Не то слово. Что это за место? Почему я раньше про него не слышал?

– Это место силы. Так оно выглядит сразу после дождя. В остальное время – обычная поляна, каких в этом лесу пруд пруди. Если мосье соизволит поверить доброму, безобидному психу, – съязвил Сергей, улыбаясь во все тридцать два зуба.

Я начал думать, Сергей изначально хотел привести меня сюда. Поэтому и предложил рвануть по распутице. Теперь я понял – оно того стоило. Я все еще не мог оторваться от этого чуда природы.

– А что оно делает, это место силы? – спросил я.

– Посвященному дает много чего, обычному человеку – отличный отдых. Оно как бы очищает душевные поры, смывает грязь, заряжает энергией. В таких местах хочется спать. Организм, словно батарейка на подзарядке, отключается, чтобы напитаться как можно больше целительной силы. Но в мокрой траве не поваляешься. Знаешь, что мне приходит на ум?

– Что?

– Кресло-качалка. И толстый теплый плед. Чтобы забраться под него с ногами, откинуть голову на подушку. И задремать.

– Да, было бы неплохо.

– Чувствуешь запах? – немного помолчав, спросил Сергей.

– Мокрых деревьев? – принял я.

– Нашего пота. Давай двигать, а то вон полчища кровососов уже собираются. Им это место силы по барабану.

Несколько комаров уже кружили возле нас. Сзади, откуда мы пришли, по нашему следу летел огромный рой. Мы двинули, энергично прибавляя шаг. На выходе из леса встретили группку детей, промышляющих ягодами. Бедолаги мазались «Дэтой», но все равно были искушены с головы до ног. Мы купили у них по маленькой банке земляники, чем доставили детям немного радости. Довольные, они побежали в деревню за мороженым.

Впереди показалась наша хатка. Отмахиваясь от настигающих нас комаров, мы без особых приключений завалились в дом.

Быстро сварганили похавать. Расселись на кухне, уплетая жареную картоху с яичницей. Обычно, после ужина мы разбредаемся по комнатам, предоставляя друг другу заниматься своими делами. Сейчас, пока мы сидим вместе, я почувствовал некоторый дискомфорт за свои слова там, на лесной тропинке. Решил загладить свою вину, возвращаясь к прерванному разговору.

– Так ты, значит, шаман?

– Угу, – просто ответил Сергей.

– Что-то я ни разу ни видел тебя с бубном.

– Бубны, мантры – это все атрибуты, зачастую необходимые, что бы войти в мир духов. Или мир предков. По научному – погрузиться в транс. А по-нашему – выйти за пределы реальности. Они разные у разных народов. Мексиканские шаманы, сибирские, египетские, гватемальские, африканские и прочие. Можно долго перечислять. Все они делают одно дело, но обряды у всех разные. Сам понимаешь, нет такой точной науки, как шаманство. И школы такой нет. Шаманство – это результат поколений предвидящих людей, шаг за шагом нащупывающих путь в мир духов, и передающих это знание приемникам. Это и обуславливает такое различие между культурами. В наше время шаманство вырождается. Сейчас оно в большинстве случаев сводится к театральным постановкам для туристов. Египетское знание утрачено полностью. Остальные под угрозой исчезновения. Все это печально.

Сергей вздохнул, отложил пустую тарелку:

– Чайковского?

– Давай.

Пока Сергей наливал чайник, я достал пару саек из хлебницы. Разрезал вдоль больше чем за середину. Положил по одной сосиске и обильно полил это дело кетчупом и майонезом. Такие вот хот-доги на скорую руку.

– Так вот, все это было бы очень печально, если бы не один хороший человек, Карлос Кастанеда, – продолжил Сергей, после того как поставил чайник на плиту.

– Да, я слышал это имя. Говорили, что он был мошенником, шарлатаном.

– Это не так. Достаточно почитать его книги. Каждый абзац наполнен глубоким смыслом и мудростью. Его работы отражают сильный, выдающийся ум. Кастанеда совершил титанический труд, переложив сложное тайное знание в фундамент, доступный каждому. Он буквально разжевал и разложил по полочкам шаманское видение мира, и что, более важное, их обряды. Пройдя обучение у мексиканского мага-шамана, он буквально впечатал их знания в мировую историю. Чтобы не случилось с шаманами и их искусством, ключик, ведущий в мир магии духов, теперь уже никогда не будет потерян и всегда доступен каждому.

– Говорили, он вроде как собирался вместе с учениками покинуть этот мир, но у него ничего не получилось. Что он помер от рака печени.

– А что ты хотел, чтобы написали в свидетельство о смерти? Что он сгорел огнем изнутри? Он исчез, равно как и его ученицы. Нашли только одну из них. Вернее, ее останки в пустыне. Недалеко от машины. Возможно, тепловой удар. Или ее укусила змея. Во всяком случае, я думаю, остальная группа благополучно прошла через врата.

– Ну ладно, – сказал я после того, как Сергей замолчал, – а сам ты как ступил на эту стезю? Нашел шамана-учителя?

– Да нет, я самоучка. Начинал, вот, с Кастанеды. Грибы только не ел. Я, знаешь, против наркотиков в любом виде. Они никогда не дают свободу. Только подманивают, чтобы затем прочно посадить на цепь.

Начиналось все, как хобби. Как бегство от бетонных коробок. Есть такие труды, которые дают мнимое восприятие свободы, огромного открытого мира перед тобой. Это в основном все фэнтези. Романы, игры, фильмы. Взять, например, Толкина. Он дал людям мир Средиземья. Настоящий. Живой. Кажется, сделай шаг – и ты там. Не зря люди полюбили его романы. Люди ищут свободу.

Книги Кастанеды тоже обещают свободу. Только в отличие от фэнтези, Кастанеда рассказывает про реальный мир. Сказочный, чудесный реальный мир, спрятанный от глаз рядового человека. Мир, скрытый за непроницаемой ширмой, но эта ширма – вот она. Только протяни руку, и отдерни ее в сторону.

Неудивительно, что я, как и миллионы других, увлекся Кастанедой. А через какое-то время обнаружил, что у меня стало получаться. После этого уже было дело техники. Беларусь я не покидал. Нет бабла, по миру колесить. Да и с чего настоящие шаманы стали бы делиться со мной своим искусством. Но, слава богу, есть Интернет. Это большая помойка, в которой можно найти все. В том числе разнообразные археологические находки, руны, манускрипты, эпиграммы и много еще чего. Оказывается там столько этого добра, что нужно потратить не один год для изучения.

– Так ведь все, что можно выкопать в Интернете уже давно изучено-переучено. Что там еще можно подцепить? Сотни, если не тысячи ученых, изучают древние гробницы и курганы по всему миру. Что-то находят, расшифровывают, но там просто хрень какая-то. Мифы разные, или просто жизнь тамошняя запечатлена. Единственное, что приходит на ум, это египетские книги живых и мертвых. Хотя я даже не в курсе, что это за чухня.

Сергей прожевал, запил чаем, лишь потом ответил:

– Согласен. Много мусора. Поэтому как раз и нужно столько времени. Перелопатить гору глины, чтобы отыскать жемчужину. Только, ради бога, не нужно трогать расшифровки. Там ничего нет. Нужно смотреть оригинал. Видящий может увидеть то, что скрыто от глаз ученого. И кстати, книга мертвых и есть книга жизни. Я подчерпнул оттуда несколько интересных техник. Ладно, хорош на сегодня. Не все сразу.

Сергей опрокинул чашку, залпом допивая остатки. Затем всполоснул и поставил на полку.

– У тебя есть над чем подумать, – сказал он, уходя в свою комнату. – Спокойной ночи.

Всю ночь меня мучили жуткие кошмары. Я лазил по каким-то катакомбам. За мной гонялись скелеты, оборотни. Затем я спасался от злобной мумии в гробнице фараона. Под утро я очутился где-то на рваной местности. Мумию сменили черные гаргулии, которые охотились за мной. Они прятались, если на них посмотреть, но стоит чуть отвернуться, пытались ударить со спины. Я проснулся, когда они меня уже почти загнали в ловушку. Вот черт, я уже и позабыл, когда в последний раз видел страшные сны.

В дверях появился Сергей с ведром в руке. С плеча свисает банное полотенце.

– Надевай плавки, или че там. Пошли обливаться. Жду тебя на улице.

Сергея вставал чуть пораньше, и каждый утро первым делом обливался холодной водой. Я тоже думал начать, но никак не решался. Наверное, поэтому я не послал его к черту. Я встал, взял полотенце и пошел за ним. Сергей как раз вышел на улицу. Мы подошли к ванне с водой. Он зачерпнул полное ведро, протянул мне:

– Будешь первый?

– Не, спасибо. Давай после тебя. Я посмотрю, – содрогнулся я.

– Ну, как хочешь. Эх, водичка! До после ноченьки-то! Ах!.. – поднял он ведро и опрокинул на себя. Пару секунд постоял неподвижно, затем вздрогнул всем телом, схватил полотенце, принялся растираться. Секунд тридцать доносилось фыркание и рыкание. Затем он накинул полотенце на плечи, спросил:

– А ты чего стоишь? Давай. Не ссы, не заболеешь, – увидев, что я все еще колеблюсь, добавил, – поверь, надо.

– Ну ладно, – сказал я и потер ладони. Набрал полное ведро. – Фу...

Я с криком опрокинул его на себя.

– Аааааа...

Вода хоть не ледяная, но обдало словно кипятком. Холодный огонь пробежал по коже. Каждый мускул содрогнулся. Я дернулся, скукожился, вздрогнул.

– Теперь самое время растереться полотенцем, – спокойно произнес Сергей.

Я схватил полотенце, и, успокаивая свое бедное тело, принялся яростно растираться. Пока, наконец, не пришло благодатное тепло.

– Ну, как? – спросил Сергей.

– Не знаю, что должно было произойти, но проснулся я теперь точно.

– Ладно, пошли собираться на работу.

Времени оставалось немного. Нужно еще побриться, одеться и перекусить чего-нибудь. Когда я пришел на кухню, Серега уже наливал чай обоим.

– Кстати, Серый, сегодня ночью меня мучили кошмары. Жесть, давно такого не было.

– Все хорошо, не беспокойся. Вполне нормальная реакция человека, посетившего место силы. Когда бываешь там, немного истончается стена здесь, – он показал на мой лоб. – И немножко начинает шевелиться здесь.

Сергей слегка хлопнул меня по спине между лопатками. Затем добавил:

– Место силы дает тебе немного халявной энергии. Ненадолго, конечно. Этого мало, чтобы видеть. И даже чувствовать. Но сны искажаются. Становятся очень странными. Но, тем не менее, все происходит словно наяву.

– Это да, – кивнул я.

– Через пару дней пройдет.

Мы допили чай, и отправились на мол.

Издали доносился звон лесопилки. Сегодня очередь Валета и Сивого. Надо же, спозаранку начали. Во дворе на скамейке обнаружили Гену. Тот сидел и мрачно курил.

– Дарова, Гентос.

– Дарова...

– А где Леник?

– В вагончике, холера его поберет.

С Леником случилось то, что случалось с ним хоть и редко, но с завидным постоянством. Ночью он ужрался вусмерть. Мы нашли его лежащим на койке зубами к стенке. Рука свисает до пола. Леник лежит неподвижно, лишь тихо рычит, словно винипух, обожравшийся меда. Ясно, сегодня он нам – не помощник.

Гена докурил папироску и сказал:

– Ну что. Карэта подана, прошу садиться.

– Куда?

– Недалеко. В Молчаны. Три машины дров заказали. Как раз до обеда успеем, если напряжемся.

Зашибись. Три раза загрузить машину, три раза разгрузить. Гена немного ошибся. Закончили уже за обед. До Молчанов рукой подать. Банально не успевали отдохнуть между перегонами. Последняя машина шла со скрипом. Гена сбрасывал вместе со всеми, хотя ему, как водителю, лучше было бы побережиться. Чтобы руки не дрожали. Закончив, мы с Геной начали собираться, но Сергей попросил:

– Гентос, передохни. Обожди часок. У меня тут дело есть, срочное. Нужно наведаться к кое-кому. Вадим, пошли со мной. Думаю, тебе будет интересно посмотреть.

Гена подумал немного, потом сказал:

– Ну, хрен с вами, идите. Я пока вздремну малость. Как придете, стучите.

Мы прошли и остановились у опрятного дома из белого кирпича. Сергей повернулся ко мне.

– Вчера в этом доме должно было случиться горе, – сказал он. И, улыбнувшись, добавил: – Но этого не произошло. Сегодня здесь смех и веселье. Меня это радует.

– Что произошло? – я не совсем понял, что он имеет в виду. Точнее, ничего не понял.

– Сейчас узнаешь. Просто смотри и слушай. Позже я все объясню.

Он открыл калитку и вошел. Яростно залаял цепной пес, натягивая цепь до предела, чтобы достать нас. Открылась входная дверь, во двор выглянула хозяйка. Радостно заулыбалась, узнав Сергея.

– О, Сергей, это вы? Здравствуйте. Проходите в дом, сейчас чайку поставлю, – сказала она, посмотрев на меня. Затем гаркнула на пса: – Стихни там, злодей!

Собака замолчала, виновато замахала хвостом.

– Как ваш хозяин? – спросил Сергей, после того, как мы уселись за стол.

– В поле хозяин, работает, не покладая рук.

– А Анька как?

– Сидит в своей комнате. Уткнулась носом в этот бук, не вытащить.

– Ань!.. – крикнула она в коридор. – Выйди, посмотри, кто пришел.

Из коридора вышла красивая молоденькая девушка, лет семнадцати. Стройенькая, темноволосая. В комнате посвежело от дыхания ее юности.

– Ой! Здравствуйте, дядя Сережа! – защебетала она.

– Как там моя Анечка? – спросил Сергей, весело улыбаясь ей в ответ.

Девушка подняла руки вверх и закружилась, поднимая платье колокольчиком.

– Цвету и пахну, – засмеялась она.

– Как здоровье? Ничего не болит? – поинтересовался Сергей.

– Ой, спасибо вам! Все прошло. Это чудо какое-то, – сказала Анька, останавливаясь.

– Чудо и есть. Анечка, я пришел сказать, что ты теперь вне опасности.

– Вы хотите забрать его? – спросила она, касаясь рукой груди.

Подошла хозяйка. Она принесла на подносе чай с бутербродами. Присела рядом с нами.

– Ты носила его не снимая? – обратился Сергей к Анечке.

– Ага, как вы и сказали, – она продолжала прижимать руку к груди. – Я настолько к нему привыкла. Без него я словно голая. Так не хочется снимать его. Мне страшно...

– Анечка, я бы с удовольствием оставил его тебе. Но прямо сейчас, недалеко, кстати, отсюда, от рака умирает ребенок. Только эта штука может спасти его. А ты, как я уже сказал, вне опасности.

– А если рак вернется? – спросила хозяйка. – Неужто снова придется проходить через все это? Это ужасно.

Она заметно помрачнела.

– Не вернется, – ответил Сергей. – Если сделаете, как я скажу.

Он помолчал, выдержал паузу, затем начал говорить.

– Прежде всего, вы должны знать, что рак, хоть и побежден, но никуда не ушел. Он дремлет внутри в глубокой ремиссии. И может начаться снова. Через месяц, год, двадцать лет.

Анечка вспыхнула, хотела перебить, но Сергей поднял руку, останавливая ее.

– Рак – это не болезнь. Это расплата за наши грехи. Конечно, у каждого свой крест. Кто-то пьет, курит по-черному, и доживает до девяноста лет. А кто-то живет без вредных привычек, а умирает молодым в страшных мучениях. Тот крестик, что на тебе – он не лечит в буквальном смысле слова. Его святость обеляет грех, и рак отступает.

– Чем же грешно бедное дитя шестнадцати годов? Не курит, не пьет. С мальчиками ни-ни. До сих пор невинна. Каждое воскресенье мы ходим в церковь. За что нам такое наказание?

– Есть грех, страшный грех. Который совершает каждый из нас. Каждый день, каждый час, – ответил Сергей.

– Какой? Я не понимаю...

– Есть одна из строжайших заповедей, которую дал нам Господь – не убий.

– Но как?..

– Люди не поняли, что сказал Господь в этой заповеди. Они решили, что нельзя убивать людей. На самом деле нельзя убивать живое. Не случайно Господь принял живые злаки Авеля, и отверг мертвого барашка Каина.

– Так Господь разрешил разводить животных, – вставила Анька.

– Разводить можно, убивать нельзя. Животные могут убивать, на них греха нет. Такими их создал Господь. Но люди другие. Господь создал нам столько пищи, человек может жить, не убивая. Поэтому нам убивать – грешно.

Забойщик, убивая бедную свинушку, берет немножко греха на себя. Но, в основном, мерил греха является количество съеденного мертвого. Мясник в лавке раздает грех вместе с телом убитого животного. Кто-то взял больше, получит больше, кто-то меньше, получит и греха поменьше. Но в целом, каждый принимает грех за убийство на себя. Просто он делится по-честному.

Грех копится в человеке. Чем его больше, тем больше болезней сваливаются на нашу голову. Наконец, когда он достигает предела, приходит рак. Предел этот у всех разный. Рак среди молодых – редкое явление, а вот большинство стариков страдают этим недугом.

– Так что, Аньке нужно переходить на вегетарианство? – озабоченно спросила женщина. Она верила Сергею, и отнеслась к его словам очень серьезно.

– Если бы! Все гораздо сложнее. Растения-то тоже живые. Они тоже живут и умирают. Даже их плоды живут своей жизнью. Взять, например, яблоко. Осенью вы осторожно снимаете яблоки, чтобы не повредить. И складываете в подвале или погребе. Весной, те яблоки, что были повреждены, заболели и умерли. Превратились в черные сморщенные головешки. Остальные яблочки живут. Проходит зима, а они все равно наливные, упругие, сочные. В этом и вся разница. Вот яблоко, – он взял одно яблоко из декоративной корзинки со стола. – Если вы его спечете, то оно, конечно, приобретет своеобразный вкус. Но станет мертвое. Если я съем его, я поглощу внутрь себя смерть. Если же я съем живое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.